

УДК 316.4; 316.6

Противоречия и реалии постсоветского общества как фактор восприятия советской цивилизации

3.3. Ибрагимова

Ф.Ф. Серебряков

А.Х. Хазиев

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань (Россия)

Введение. Восприятие советской цивилизации в российском постсоветском обществе никогда не было однозначным. Современное состояние российского общественного сознания в этом отношении характеризуется одновременно несколькими – противоречащим – обстоятельствами: ностальгией по советской цивилизации с её очевидными социальными преимуществами, разной степенью критическим к ней отношением, безразличием, наконец, откровенным неприятием и третированием её. Эта неоднозначность находит объяснение, в том числе в некоторых особенностях постсоветского развития.

Методы. Используются исторический и сравнительно-исторический методы, которые позволяют проследить формирование рассматриваемых факторов, а также метод восхождения от абстрактного к конкретному, дающий возможность получить знание о рассматриваемом явлении как о многоаспектном сложном образовании.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Некоторые существенные особенности российского постсоветского развития и проявившиеся в результате противоречия выступают факторами, которые препятствует адекватному восприятию и – главное – пониманию этой цивилизации, причём даже благоприятно настроенной к ней частью общества. Это адекватное понимание, по убеждению авторов, состоит в том, что советская цивилизация, несмотря на все её противоречия и недостатки, представляет собой не только вершинное явление в российской истории, но на сегодняшний день - и самый зрелый социальный (как выражение человеческого, социально-справедливого) плод всемирного развития. Рассмотрению некоторых из этих факторов и посвящена настоящая статья.

Речь, прежде всего, идёт о частной собственности, неудержимой тяге к ней и «экзистенциальных последствиях» этого.

Авторы приходят к выводу, что, хотя реалии современного российского общества привели значительную часть населения к отрезвлению от иных, первоначально – в 90-е годы - бездумно воспринятых «ценностей» «новой России», то есть буржуазной, хотя приходит и понимание бесчеловечного характера их, а вместе с этим - и осознание, в принципиальном отношении, подлинно человеческого характера советской социальной цивилизации, но названные факторы, обнаруживая всю противоречивость современного общественного сознания, серьёзно препятствуют и объективному восприятию советской цивилизации.

Заключение. Отношение к человеку и ко всему окружающему стало как к товару, как к чуждому, как к вещи. В эти отношения «товаропроизводителей» оказались втянутыми очень большие массы людей. И даже противоположные этому социальные симпатии большей части людей не в силах сопротивляться их «человеческой природе». Они пасуют перед её соблазнами. И вряд ли им можно противостоять без коренного изменения «общего потока жизни», т.е. общественно-экономических оснований, которые производят и не могут не производить подобную «человеческую природу».

Ключевые слова: постсоветское общество; советская цивилизация; капитализм; буржуа; частная собственность; «природа человека»; противоречие; общество потребления; воспитание; общественное сознание; ценности.

Введение. Что ни говори, русский поэт Сергей Есенин был прав: «Лицом к лицу лица не увидеть / Большое видится на расстоянии». Например, есть немало людей, полагаем, которые также, как и мы, могут заявить сегодня: для нас несомненно, что советская социальная цивилизация, несмотря на все противоречия и недостатки её, представляет собой не только вершинное явление в российской истории, взлёт последней на высоту, на которую только способна подняться обособленная («национальная») история, но на сегодняшний день - и самый зрелый социальный (как выражение человеческого, социально-справедливого) плод всемирного развития.

Но ещё лет двадцать-двадцать пять тому назад это мнение было бы воспринято в самом лучшем случае как очень несерьёзное, а человек, его высказавший, заслужил бы непременно репутацию безнадёжного и ограниченного догматика, вконец некогда зомбированного советской пропагандой и совершенно неспособного самостоятельно мыслить, неспособного ничего ни видеть, ни слышать, ни понимать. Но что-то изменилось с тех пор. Что?

Методы исследования. Анализ рассматриваемой проблемы возможен, в первую очередь, при опоре на метод восхождения от абстрактного к конкретному, позволяющий не ограничиваться голой абстракцией «частной собственности», а увидеть всё конкретное многообразие её неоднозначных проявлений и последствий в богатстве социальной жизни. Использован познавательный потенциал диалектики единого и много, сущности и явления, логического и исторического, формы и содержания, а также возможности сравнительного и сравнительно-исторического методов и аналогии, что делает, по крайней мере, некоторую аргументацию более выразительной.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Так что же изменилось? Нужно было пройти через «лихие 90-е», как их, похоже, очень нежно называют; нужно было, чтобы появились господа и слуги, хозяева и холопы – об этих социальных типах русской истории смутно помнили лишь деды и прадеды тех, кто жил к началу 90-х; нужно было, чтобы на заводах и фабриках, в госучреждениях и университетах, а тем более в тысячах частных компаниях работники всякий раз в ответ на малейшие свои справедливые претензии или законные требования неизменно слышали: «Не хотите – уходите, там ещё тысячи ждут», и с рабской покорностью, многие – и с подбострастием уходили бы, готовые и дальше терпеть, и быть благодарными хоть за 60-ти часовую рабочую неделю, хоть за 20-ти минутный обеденный

перерыв, хоть за работу без больничных, трудовых книжек и отпусков; нужно было, чтобы всё, абсолютно всё, покупалось и продавалось, а нажива стала самой сильной мерой оценки людей, деяний, отношений, святых, «успешность», понимаемая исключительно как материально-финансовое обогащение и карьерное превосходство, стала критерием, если и не официально, то, во всяком случае, фактически единственно признанным и «общественно значимым» в мнении едва ли ни всего постсоветского поколения да уже и значительной части советского, стала «священной коровой»¹, которая, может быть, и обретена путём поправок закона и справедливости, но которая всегда должна оставаться неприкосновенной - нужно было, чтобы всё это было, дабы люди стали смотреть и видеть, прозревать и думать², дабы они иначе стали относиться к «советской пропаганде». Вот уж воистину: нет пророка в своём отечестве, и люди, что бы ни говорили, учатся, только испытав всё на собственной «шкуре», только на своих ошибках.

Но даже при всём этом не приходится надеяться на очень многое в смысле прозрения людей, прошедших даже через «дантовы круги» 90-х, ибо есть несколько факторов, почти «непреодолимых», чтобы можно было «надеяться на очень многое»; есть вещи (в философском смысле «вещи»), с которыми люди не захотят уже расставаться, раз они попали в тенета их власти, есть нечто, что, как удав кролика, будет завораживать людей и притягивать их, добровольно, по собственному их желанию, даже если разумом они будут понимать все «прелести» такого соседства кролика и удава. Есть «вещи», лежащие за пределами их разума, - в инстинктах, в их «природе». Это, как вера в бессмертие души: что значит верить в бессмертие души, спрашивал Мигель де Унамуно? Это значит «желать, чтобы душа могла быть бессмертной, но желать этого с такой силой, чтобы это желание могло растоптать разум и пойти дальше него»[2].

Сами по себе воспоминания о негативных сторонах советской цивилизации, о материальных проблемах и даже о «тоталитарной власти» не могут быть непреодолимым препятствием для прозрения. Но в совокупном действии с другими факторами становятся серьёзным основанием для нежелания прозревать или, точнее, сколь-нибудь критически относиться к «современной цивилизации», которую люди воспринимают весьма однобоко («потребительски»), не видя никакой *органичной связи* между её «благами» и социальными, нравственными, политическими, межличностными и прочими порождениями её (пороками), столь порицаемыми даже людьми, вкушающими блага этой цивилизации³. О чём идёт речь, о каких факторах?

¹ Точнее было бы сказать, конечно, - «золотым тельцом».

² Это было настоящим просвещением, тем более прочным, что оно происходило на личном опыте – просвещение лихолетьем, унижением – личным, социальным и национальным, просвещение прозябанием. А девизом Просвещения, по Канту, и является: «Sapere aude! Habe Mut, dich deines eigenen Verstandes zu bedienen!»[1]. Правда, оно не могло быть массовым, поголовным: и потому что мужество, вообще говоря, не является сильно распространённым явлением, тем более труднейшая его разновидность – мужество пользоваться собственным разумом, и потому, что оно, как увидим, весьма противоречиво.

³ О метаморфозах человека в постсоветское время, о его «грехопадении» см. сборник интервью видного советского социолога, бывшего долгое время диссидентом, хорошо известным и на Западе, А.А.

В одной книге о К. Марксе, интересной и полезной, её автор, Фрэнсис Уин (Francis Wheen), приведя знаменитые слова из «Манифеста Коммунистической партии», этого, по его словам, «самого известного политического памфлета всех времён»: «Пролетариям нечего... терять, кроме своих цепей», продолжает так. «Единственными «цепями», которые сковывают сегодня рабочий класс, являются браслеты поддельных «Роллексов»; но у современных пролетариев есть ещё много, чего бы они ни за что не хотели потерять: микроволновые печи, оплачиваемые отпуска, спутниковые антенны и т. д. Они купили модельные дома, у них есть акции приватизированных коммунальных предприятий...»[6]. Скажем, цепи вовсе не «единственные», есть и другие, куда более прочные, правда, незримые, а потому не столь блестящие, в прямом и переносном смысле, как браслеты «Роллексов». Но в остальном всё верно: имеют и «ни за что не хотели потерять».

И дело вовсе не в конкретных микроволновых печах и спутниковых антеннах, даже не в акциях. Само по себе владение ими ещё ничего не означает, кроме как обладания вещами – в этом отношении нет разницы между обладанием микроволновой печью и кастрюлей: времена определяют потребности, и в техническом (потребительском) отношении нет разницы между ложкой, сюртуком, радиоприёмником и автомобилем, компьютером. Кремневые ножи столь же естественны для первобытного времени, как и автомобили для современного. *Дело только в том, иметь ли это, чтобы жить либо жить, чтобы иметь.* А это определяет всё остальное. Дальнейшие рассуждения исходят из этого обстоятельства, из этого «постулата».

Из сказанного в предыдущем абзаце ясно, что Ф. Уин неправильно подытоживает, когда, перечислив, чем владеет «современный пролетарий», пишет: «Сегодня мы все буржуа».

Буржуа – не тот, кто владеет вещами, а – частной собственностью, средствами производства, капиталом, то есть участвует в производстве и воспроизводстве отношений наёмного труда в качестве покупателя рабочей силы, приносящей прибавочную стоимость, как известно и из вузовских курсов политической экономии.

Справедливости ради отметим, впрочем, следующее. Политико-экономическое значение этого понятия и не единственное, и не самое распространённое – в истории и в художественной литературе имеются и другие: от морально-ценностного до бытового (в смысле образа жизни). Так, Н.Бердяев писал: «Я называю буржуа...всякого, кто наслаждается и развлекается искусством как потребитель, не связывая с этим жажды преобразования мира и преобразования своей жизни.»[7]. И «Флобер сказал «J'arpeile bourgeois quiconque pense bassement» («Я называю буржуа всякого, кто мыслит низко.»)» [8, с.160]⁴. Тот же Н. Бердяев в «Русской идее» - «Слова «буржуа», «буржуазный» в России носили порицательный характер, в то время как на Западе эти слова означали почтенное общественное положение»[10]. Здесь, как видим, это слово употребляется совсем не в том смысле, в каком его выше обозначили мы. Причём эти, распространённые, смыслы очень разные⁵. Неудивительно поэтому, что Балибар Э. и

Зиновьева «Я мечтаю о новом человеке» (очень характерно название одного из них – «Куда делся советский народ?») [3]. См. так же другой его сборник [4]. О сегодняшней российской буржуазии см.[5].

⁴ Так, по существу, относился к этому и Мопассан. «Мы живем в буржуазном обществе, - писал он. - Оно ужасно посредственно и трусливо»[9].

⁵ См. также работу итальянского литературоведа Франко Моретти «Буржуа: между историей и литературой»[11].

Валлерстайн И., авторы книги «Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности», первым изданием вышедшей во Франции еще в 1988 году, выбрали эпиграфом к её 9 главе, «Буржуазия: понятие и реальность с XI по XXI век», слова французского историка Эрнеста Лабрусса: «Определить понятие буржуа? - Мы бы никогда не договорились». Но они же при этом, тем не менее, считают нужным подчеркнуть: «Но в целом, как поклонники фигуры буржуа, так и его критики, соглашались в том, что буржуа, это буржуа-капиталист»[8,с.162]. И далее: «Буржуа» был тот, кто капитализировал средства производства и нанимал за плату рабочих, которые, в свою очередь, производили товар... В той мере, в какой доход от продаж превышал издержки производства, включая заработанную плату, можно было говорить о наличии прибыли - цели буржуа-капиталиста»[8,с.161].

Так что, владение даже «Мерседесами» само по себе ещё не делает человека буржуа.

Но вот что здесь, на самом деле, важно, вот что, на самом деле, вытекает из этих фактов, которые дали основание Ф. Уину заявить «Сегодня мы все буржуа». Всё это порождает, воспроизводит постоянное *желание*, становящееся *страстью*, *жаждой*, *постоянной потребностью*, *вождедением* всё это иметь вновь и вновь, подчиняет этому *помыслы*. Это порождает буржуазное сознание, сознание буржуа, буржуазное отношение ко всему вокруг, которое показано в том же «самом известном политическом памфлете всех времён»: произведения искусства, красивые минералы, семья, любовь становятся в первую очередь товаром, даже брак – эксклюзивной формой собственности (это тоже - Маркс).

Но, разумеется, ни владение, ни «потребительское стремление» сами по себе это порождают, а, говоря словами русского мыслителя Г.П. Федотова, это «поддерживается общим потоком жизни» (тотальностью соответствующих общественных отношений, прежде всего, отношений социально-экономических, идеологических, межличностных, а также школой, СМИ и пр.). И только при этом условии это возможно.

Некоторые умники во времена «перестройки» острили: мол, вот есть «ударники коммунистического труда», но никто в цивилизованном мире не додумался ещё до того, чтобы присваивать «ударников капиталистического труда» - теперь наиболее ловкие, хваткие и бессовестные из них весьма преуспели на ниве «ударного капиталистического труда». Если бы они были чуть более образованными, то понимали бы, что «цивилизация», «цивилизированный мир» - понятия не политико-экономические и ничего не говорят о социально-экономических характеристиках общества, а поэтому надо выражаться определённо, называть вещи своими именами: «цивилизированный мир», «западный мир» - это эвфемизмы, в действительности – капиталистический мир. И это уже есть внятное политико-экономическое понятие для обозначения общества, в котором «внутренние браслеты» куда менее привлекательны, чем даже от поддельных «Роллексов». Это значит, далее: чтобы быть «ударником капиталистического труда», особого труда (не в смысле физических и интеллектуальных усилий, разумеется) не нужно – им может стать каждый. Достаточно принять «правила игры», девизом в которой являются сакраментальные слова: «Ничего личного – только бизнес», достаточно желать «иметь» (сразу

вспоминается название работы Э. Фромма «Иметь или быть»). «Обогащайтесь!», как выразился однажды Н. Бухарин, обвинённый в «правом уклоне».

Это и не трудно понять, впрочем. Есть анекдот о Сократе: одна гетера сказала ему: «Хочешь, я сделаю так, что все твои друзья перейдут ко мне?». «Верю, - ответил философ, - ведь путь, по которому веду я – путь вверх, по которому ты – вниз».

Ровным счётом ничего не стоит «путь вниз», путь к «ударнику капиталистического труда» - разве что, просто отдаться «течению» - собственнической природе.

Что же это за путь «вниз»?

« Мы все (или почти все - авторы) стали буржуа» - в этом Ф. Уин прав, но только не в том смысле, который он в это вкладывает, а в другом, разъяснённом нами. Но что это: «мы все стали буржуа» (в разъяснённом нами смысле)? Инстинкты, «природа человека», воспитание, дрессура?

Видимо, влечение к частной собственности и все связанные с этим «экзистенциальные проявления», о которых мы говорили выше, – вовсе не «кража»⁶, как выразился, кажется, Прудон, а есть та самая «природа». Затаённая «человеческая природа», которая (прямо по Фрейдю!) во всех известных нам общественных формациях сдерживалась её абсолютному выходу «нагора» и удерживалась в определённых рамках соответствующими каждому типу общества преградами и «системой табу» (бессильными, однако, подавить её вовсе): традициями, обычаями, религиозными предписаниями («не кради» и пр.), рациональными соображениями о сохранении полисной (общественной) выживаемости, возведёнными в правовые нормы или закреплёнными в негласных правилах, и т.д. Но когда открываются шлюзы, благоприятствующие «течению этой природы», она разливается множеством потоков, расцветает, как в своё время говорили в Китае, сотней цветов. Свидетелями чего мы сегодня и являемся.

Однажды один английский физиолог, присутствовавший на опытах академика Павлова, вышел из лаборатории потрясённый. Он наблюдал за реакцией собаки, которой (в ходе опытов по исследованию рефлексов) прижигали кожу, и она реагировала на это естественно, как на боль, «по природе»: сопротивлялась, кусалась, визжала, но вместе с этим одновременно стали её подкармливать, и собака стала реагировать «ненормально», «неестественно», «не по природе»: она реагировала как на удовольствие. Условный рефлекс подавил безусловный. «Теперь я понимаю, - сказал потрясённый англичанин, - ту радость, с которой мученики восходили на костёр». Те самые мученики, которым гореть тоже не доставляло никакого удовольствия, но естественное чувство и сознание боли которых подавлялось другим сознанием, «приобретённым», «условным», культивированным воспитанием и «сознательной верой» - чувством долга, сознанием верности и праведности. Они знали, за что умирают, и это сознание придавало им силу и мужество.

Описанный здесь физиологический механизм лежит, в принципе, в основе всякой тренировки, всякой дрессуры, всякого воспитания. Условный рефлекс вытесняет или подавляет

---

⁶ Однако были ли когда-нибудь в истории мира исключения из печального наблюдения апостола Павла: «Корень всех зол есть сребролюбие» (1Тим 6:10)? Сомневаемся.

безусловный. Культура, образование, воспитание, система общественных ценностей подавляют зоологическое, «природное». Ясно, разумеется, что в обществе это происходит сложнее.

Какую же роль играли все эти названные выше преграды, табу, традиции? Они подавляли зоологическое, «природное» в человеке, формировали в нём общественно-солидаристское, человеческое, нравственное. Такова природа всякого воспитания, *образ-ования* человека. Это – путь наверх. Очевидно, трудный путь, требующий усилий, борения и подавления «естества», готового вырваться наружу в каждую минуту, если оно оставлено «без присмотра». Поэтому естественно говорить об «ударнике коммунистического труда».

Освободиться от этих преград и с удовольствием отдаться в объятия такой «человеческой природе» - путь вниз. Поэтому не нужно быть «ударником капиталистического труда», для этого не надобны «ударные усилия», а достаточно «быть самим собой» в полном соответствии с этой природой, не сопротивляться ей, а потакать ей. Это тем более легче, что капитализм и «общество потребления» и субъективно, и объективно культивируют «эту природу», объявляют её нормой, естественной сутью, воспроизводят её ежеминутно, ибо такое воспроизводство и есть необходимая форма их существования. Здесь уместно будет, кстати, сослаться на Г.Торо, давшего прекрасные зарисовки классического буржуазного духа и порядков, с их главным стремлением – к наживе и их максимой – «ничего личного – только бизнес», которые захватывают человека, обывателя, куют его по своему «образу и подобию» и клонируют одного за другим. « У рабочего нет досуга, чтобы соблюсти в себе человека, он не может позволить себе человеческих отношений с людьми, это обесценит его на рынке труда... он—машина». Верно, обесценит: он перестанет быть конкурентноспособным во что бы то ни стало, не сможет уже относиться к другому по принципу: «ничего личного – только бизнес», будет видеть в нём человека, «входить в его положение»... И далее читаем; «Вы вечно в крайности, вечно пытаетесь пристроиться к делу и избавиться от долгов, а они всегда были трясинной,...и всегда вы обещаете выплатить, завтра же выплатить, а сегодня умираете в долгу; и все стараетесь угодить нужным людям и привлечь клиентов—любыми способами,...вы лжете, льстите, голосуете, угодливо свиваетесь в клубочек или стараетесь выказать щедрость во всю ширь слабых возможностей—и все ради того, чтобы убедить ваших ближних заказывать у вас обувь, или шляпы, или сюртуки, или экипажи, или бакалейные товары; вы наживаете себе болезни, пытаетесь кое-что отложить на случай болезни, кое-что запрятать...»[12]. Если бы мы не знали, когда были написаны эти строки, подумали бы, что речь идёт о современной России.

Вспоминается старец Зосима из «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского. Как бы ни относиться к этому герою и его поучениям, но сказанное им о свободе и «потреблении» ещё-то и на заре российского капитализма, очень уместным слышится особенно сегодня, во времена «потребительского общества»: «Имеешь потребности, а потому насыщай их...Не бойся насыщать их, а даже приумножай» - вот нынешнее учение мира. В этом и видят свободу. И что же выходит из сего права на приумножение потребностей?...искажают природу свою, ибо зарождают в себе много бессмысленных и глупых желаний, привычек и нелепейших выдумок. Живут лишь для зависти друг к другу, для плотоугодия и чванства. Иметь обеды, выезды, экипажи, чины и рабов-прислужников считается уже такою необходимостью, для которой жертвуют даже жизнью, честью и человеколюбием, чтобы утолить эту необходимость...У тех, которые небогаты, тоже самое видим, а у бедных неутоление потребностей и зависть заглушаются пока пьянством». (Из бесед и поучений старца Зосимы) Но вот мечтания его о грядущем и вера в то, что «кончится сим; на то идёт», заставляет нас, кажется, сказать единственное о старце – «святой!», ибо других слов-то и нет, а если и есть, то их как-то неуместно употреблять в отношении старца. «Ибо будет так, -

мечтает он, - что даже самый развращённый богач наш кончит тем, что устыдится богатства своего перед бедным, а бедный, видя смирене сие, ...лаской ответит на благолепный стыд его».

И хотя названные ранее социальные процессы 90-х и последующих годов привели к известной переоценке ценностей, тотально насаждавшихся в «новой России» и первоначально бездумно воспринятых значительной частью населения, хотя к той же значительной части приходит осознание бесчеловечного характера многих из этих ценностей⁷, хотя всё же приходит, если и не ностальгия по советским временам (а не редкостью является и она), но осознание (в том числе путём сравнения с современностью) в принципиальном отношении подлинно человеческого характера советской социальной цивилизации, - хотя всё это есть, но рассмотренные выше факторы, сложившиеся в постсоветском обществе, серьёзно препятствуют объективному восприятию этой цивилизации. Они обнаруживают всю противоречивость современного общественного сознания. В том числе в аспекте восприятия социальной действительности.

Заключение. Верно, что отношение к человеку, к «ближнему» и ко всему окружающему стало как к товару, как к чуждому, как к вещи. Но верно и другое - в эти отношения «товаропроизводителей» оказались втянутыми (добровольно или по принуждению) очень большие массы людей, от пенсионеров до детей. И даже противоположные этому социальные симпатии большей части этих людей не в силах сопротивляться их «человеческой природе». Они пасуют перед её соблазнами. И вряд ли им можно противостоять вообще без целенаправленного и тотального (от школы до СМИ) «культивирования» культуры, иных, отличных от современных, человеческих, *то есть* нравственных, ориентированных на социальную справедливость ценностей. И главное – без коренного изменения «общего потока жизни», т.е. общественно-экономических оснований, которые производят и не могут не производить подобную «человеческую природу».

Список литературы

1. I. Kant. «Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung?»// Кант И. Сочинения в 4-х томах на немецком и русском языках. Т.1. «Трактаты и статьи» (1784-1796). М., Издательская фирма АО «Ками», 1993. - С.125.
2. Unamuno de M. The Tragic Sense of Life. Dover Publications, Inc. New York 1954 p. 114.
3. Зиновьев А.А. Я мечтаю о новом человеке /А.Зиновьев. – М.: Алгоритм,2007.
4. Зиновьев А.А. Распутье/А.А.Зиновьев. – М.: Элефант, 2005.
5. Ханин Г. И. Современная российская буржуазия (опыт экономического эскиза) // Terra Economicus. 2013. Т. 11. № 1. С. 9-28.
6. Уин Ф. Карл Маркс/Ф.Уин. Пер. с англ. А.Ю.Шманевского. – М.:ООО «Издательство АСТ», 2003. – С.9.
7. Бердяев Н.А. Самопознание / Н. Бердяев. - М. : Книга, 1991. – С.186.
8. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. Пер с фр. под. ред. О. Никифорова и П. Хицкого. Москва: Издательство "Логос", 2004.

⁷ Российское общество - не чисто капиталистическое, а представляет собой, говоря словами одного русского классика, «смесь французского с нижегородским»: буржуазные порядки и отношения вперемежку с обломками и остатками советских социалистических, что делает его запутанным, сложным и порождает противоречия, неведомые другим обществам.

9. Лану, А. Мопассан : пер. с фр. Э. Лазебниковаой / А. Лану. - 2 Изд. - М. : Молодая гвардия, 1971.
10. Бердяев Н. Русская идея/Н.Бердяев. - СПб.: Азбука-классика, 2008 – С. 239.
11. Моретти, Франко. Буржуа: между историей и литературой / Франко Моретти ; пер. с англ. Инны Кушнаревой. - Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2014
12. Торо Г. Уолден, или Жизнь в лесу/Генри Торо:[пер. с англ. З.Александровой]. – М.: «Панглосс»,2019. – С.31,32.

Авторская справка

ИБРАГИМОВА Зульфия Зайтуновна, кандидат философских наук, доцент кафедры общей философии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия. E-mail: yuldyz@rambler.ru,

СЕРЕБРЯКОВ Фаниль Фагимович, кандидат философских наук, доцент кафедры общей философии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия. E-mail: fanserebr@yandex.ru.

ХАЗИЕВ Аклим Хатыпович, кандидат философских наук, доцент кафедры общей философии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия. E-mail: aklim.haziev@yandex.ru

UDC 316.4; 316.6

Contradictions and realities of post-Soviet society as a factor of perception of

Soviet civilization

Z. Z.Ibragimova

F. F.Serebryakov

A. Kh.Khaziev

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan (Russia)

Introduction. The perception of Soviet civilization in Russian post-Soviet society has never been unambiguous. The current state of Russian public consciousness is characterized simultaneously by several contradictory circumstances: nostalgia for Soviet civilization with its obvious social advantages, varying degrees of critical attitude to it, indifference, and finally, outright rejection and neglect of it. This uncertainty is explained, including in some features of the post-Soviet development.

Methods. Historical and comparative-historical methods are used, which allow us to trace the formation of the factors under consideration, as well as the method of ascent from the abstract to the concrete, which makes it possible to gain knowledge about the phenomenon under consideration as a multidimensional complex formation.

Results. Some essential features of the Russian post-Soviet development and the resulting contradictions are the factors that prevent adequate perception and most importantly, understanding of this civilization,

even by a favourably disposed part of society. This adequate understanding, according to the authors, is that the Soviet civilization, despite all its contradictions and shortcomings, is not only the highest phenomenon in Russian history but also the most mature social (as an expression of human, socially fair) outcome of world development. This article is devoted to the consideration of some of these factors.

This is primarily about private property, the irresistible craving for it, and the "existential consequences" of it.

The authors conclude that, although the realities of modern Russian society led a significant part of the population to re-evaluate initially, thoughtlessly interpreted in the 90s "values" of the "new Russia", that is, the bourgeois, although there comes an understanding of their inhumane nature, and along with this - an awareness, in principle, of the truly human character of the Soviet social civilization, but these factors, revealing all the contradictions of modern public consciousness, seriously hinder the objective perception of the Soviet civilization.

Conclusion. The attitude to a person and to everything around him has become like a commodity, like a foreign, like a thing. Very large masses of people were drawn into these relations of "commodity producers". And even the opposite social sympathies of the majority of people are not able to resist their "human nature". They succumb to its temptations. And it is unlikely that they can be resisted without a radical change in the "general flow of life", i.e., the socio-economic foundations that produce and cannot fail to produce such a "human nature".

Key words: post-Soviet society; Soviet civilization; capitalism; bourgeoisie; private property; "human nature"; contradiction; consumer society; upbringing; public consciousness; values.

References

1. Kant. Answering the Question: What Is Enlightenment? [Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung?] Kant I. Works in 4 volumes in German and Russian. V.1. «Treatises and articles» (1784-1796). Moscow. Publishing house of JSC "Kami", 1993. p.125.
2. Unamuno de M. The Tragic Sense of Life. Dover Publications, Inc. New York 1954 p. 114.
3. Zinoviev A. A. I Have a Dream of a New Man. A. Zinoviev. Moscow, Algorithm Publ., 2007.
4. Zinoviev A. A. The Crossroads. A. A. Zinoviev. – Moscow. Elephant Publ., 2005.
5. Khanin G. I. Contemporary Russian bourgeoisie (experience of economic sketch) Terra Economicus. 2013. Vol. 11. No. 1. p. 9-28.
6. When F. Karl Marx. W. W. Norton & Company, Reprint edition, 2001 [Win F. Karl Marx. Translation from English by. A. Yu. Shmanevsky. - Moscow. LLC "Publishing house AST", 2003. - p. 9]
7. Berdyaev N. A. Samopoznanie[Self-discovery] N. Berdyaev. Moscow. Kniga, 1991. p. 186.
8. Balibar E. Wallerstein I. Race, nation, class. Ambiguous identities. Translated from French by O. Nikiforov and P. Khitsky. Moscow, Logos Publishing House., 2004
9. Lanu, A. Maupassant: Translation from French by E. Lazebnikova A. Lanu. - 2nd Ed. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1971

10. Berdyaev N. The Russian idea. N. Berdyaev. Saint Petersburg: Azbuka-klassika Publ., 2008, p. 239.
11. Moretti, Franco. Bourgeois: Between history and literature. Translated from English by Inna Kushnareva. Moscow, Gaidar Publ., 2014.
12. Henry David Thoreau. Walden; or, Life in the Woods: translated from English by Z. Alexandrova. Moscow, "Pangloss" Publ., 2019. p. 31, 32.

Author's Bio

IBRAGIMOVA Zulfiya Zaytunovna, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Institute of Social-Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia. E-mail: yuldyz@rambler.ru,

SEREBRYAKOV Fanil Fagimovich, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Institute of Social-Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia. E-mail: fanserebr@yandex.ru

KHAZIEV Aklim Khatypovich, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Institute of Social-Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia. E-mail: aklim.haziev@yandex.ru